

ВОСПРИЯТИЕ – СОЗНАНИЕ – ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

Л. В. Лаенко

Воронежский государственный университет

*Ничто не существует в интеллекте,
чего раньше не было бы в ощущениях.*

Рене Декарт

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Современные лингвокогнитивные исследования, ориентированные на изыскание коррелятов языковых единиц как в объективной реальности, так и в сознании человека, исходя из признания того, что “в основе категорий лежат в конечном счете отражения и обобщения явлений объективного мира” [36, 36], основываются на ряде основополагающих положений, таких как:

1. Деятельность человека связана с непрерывающимся восприятием разного рода информации, поступающей в мыслительное поле человека.

2. В результате познавательной деятельности человека у него формируются понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире.

3. Данная система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции.

4. Разнообразие форм познания определяет разные способы формирования концепта как кванта структурированного знания: на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека, на основе мыслительной деятельности, в процессе вербального и невербального общения [5].

5. Восприятие, лежащее в основе познания мира человеком, осуществляется органами восприятия. Поступающие от них сигналы обрабатываются и хранятся в памяти человека, формируя особые типы концептов – наглядно-чувственные образы.

Вопрос первый: Если восприятие – первичная ступень познания мира и если чувственный образ как тип концепта трактуется как составляющий ядро любого концепта (что бесспорно), “который, продвигаясь по ступеням рационального познания, проходит через цепь сложных мыслительных процессов, стремясь к высшей абстракции” [15, 13], то следует ли воспринимать и понимать наглядно-

чувственный образ (или по нашей терминологии – перцептивный концепт) как лишь строевой, достаточно элементарный и весьма статичный элемент более сложной системы?

Вопрос второй: Если когнитивные процессы, находящиеся в постоянном движении, подчинены определенным психическим законам, в том числе и особенностям восприятия (осозательного, зрительного, слухового и т.д.), то каким образом и по каким основаниям особенности восприятия отражаются в языковых означиваниях продуктов когнитивных процессов?

Представляется, что ответить на эти вопросы возможно лишь при условии целостного рассмотрения ситуации “восприятие – сознание – язык” с учетом взаимосвязи и взаимопричинности всех её составляющих.

1. ОСНОВАНИЯ ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ЛИНГВИСТИКИ

“Перед современной лингвистикой как когнитивно ориентированной наукой ставятся в настоящее время три главных вопроса: о природе языкового знания, о его усвоении и, наконец, о том, как его используют” [21, 37]. Исходя из этого, по мысли А. В. Кравченко, “если она не на словах, а на деле хочет быть научной дисциплиной, в задачи которой входит достижение понимания (фундаментальный аспект) и обеспечение объяснения (прикладной аспект) особенностей своего объекта, то должна, в первую очередь, сосредоточиться на следующих проблемах: а) виды и типы знаков (семиотика); б) виды и типы знаний, представленных в этих знаках (гносеология), и механизм извлечения из знаков этих знаний, т.е. правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика, а следовательно, и синтактика), в) условия возникновения и развития знаков (семиотический онтогенез) и принципы, регулирующие их функционирование (семиозис)” [18, 29]. Попытка решить

каждую из этих проблем в отрыве от других одно-значно несостоятельна, ибо в каждом случае центральным фактом, определяющим специфику того или иного круга явлений, является человек.

В последние годы заметно выросло внимание лингвистов, уделяемое когнитивным аспектам языка, механизмам формирования значения, связанным с познавательной деятельностью человека. Это неудивительно, так как значение и знание в онтологии обнаруживают неразрывную связь [40; 43; 41; 18; 23; 33; 4]. Важную роль при этом играет то, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного порядка имеют определяющее значение в формировании тем или иным этносом картины мира.

Бесспорным является тот факт, что разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, не могут не отражать знания о мире. Это знание является составной частью значения единиц, образующих собственно систему языка. Ограничиваясь лишь осмыслением и изучением внутрилингвистических факторов, трудно, а порой и просто невозможно объяснить особенности формирования и функционирования языковых структур. Этим объясняется, по справедливой мысли А. В. Кравченко [18, 32], настоятельная (и уже осознанная, а отчасти и реализованная) необходимость расширения пределов лингвистики с выходом на большое количество смежных (по признаку общности объекта-человека в его целостности, образуемой разными ипостасями) дисциплин, составляющих комплекс гуманитарных наук.

Вполне объяснимо поэтому, что в качестве центральной темы в когнитологии все чаще выступает круг вопросов, связанных с установлением зависимостей и соотношений в когнитивной цепочке “восприятие – сознание – концептуализация – категоризация – репрезентация – язык”. Это ведет к смыканию когнитивной лингвистики с рядом других наук, в частности, с когнитивной психологией, эпистемологией и теорией сознания.

Различия в восприятии мира, в способе его освоения ведут к различиям в знании, а через них – к разным картинам мира. Следовательно, изучение языковой картины мира должно исходить из установления типов знания, представленного в языке, источников и способов представления этого знания в языковых формах [20; 17; 18]. Изучение законов и механизмов категоризации предполагает обращение к процессу познания действительности как основе осознанной деятельности человека. С

учетом всего этого проблема значения языкового знака как номинативной единицы видится в аспекте его способности быть средством фиксации, хранения и передачи знания [18].

2. КОГНИТИВНАЯ НАУКА И ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ

По справедливой мысли Г. В. Колшанского, номинация – это “языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов” [16, 15–16, 19]. Исходя из того, что понятийные признаки суть уже не факт непосредственного (чувственного) восприятия действительности, а результат абстрагирующей деятельности человека, направленной на обработку наглядно-чувственной информации, следует думать, что до совершения акта номинации как такового должно происходить формирование той структуры сознания, которая ищет формы своей фиксации. Слова объективируют разные структуры сознания и вызывают в сознании разные образы, впечатления, картины и сцены. Чтобы могла произойти подобная активизация структур сознания, ей должны предшествовать процессы номинативной деятельности. Это обуславливает тесную связь когнитивизма и ономазиологии. Ономазиологическое направление в отечественной науке являлось одной из ранних версий когнитивизма, подтверждением чему служит один из его базовых постулатов: “Сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека” [22]. В этом справедливом высказывании акцентируется связь номинации и с абстрагирующей деятельностью ума, и с вещным миром. Названия служат метками разных ипостасей самого объекта: имена означивают реальный объект в действительном мире, и имя объекта указывает на его смысл в мире психическом. (Ср.: “Сами объекты могут принадлежать миру внешнему или миру внутреннему, могут составлять равно принадлежность мира действительного и мира вымышленного, но название дается “остановленной” мысли об объекте” [22]. При этом название отражает лишь часть знаний об объекте. “При обозначении одной и той же ситуации экономия и избыточность распределяются различным образом, некоторые черты могут остаться на уровне глубинных структур” [8].

Слово, отражая часть знаний об объекте, способно при необходимости использоваться в новых

значениях, отражающих новое видение объекта или помещение его в новую структуру деятельности. Под “крышу” одного и того же знака можно подвести знания различной структуризации. Поскольку обозначение представляет собой совокупность таких аспектов объектов, которые не могут представить его в целом, то в акте номинации должны быть выбраны такие релевантные части последнего, которые характеризуют самые яркие свойства их бытия во времени и пространстве.

В связи с этим когнитивный подход и теория номинации тесно связаны между собой, поскольку одним из важнейших вопросов последней является вопрос о том, какая часть знаний об объекте получает отдельное наименование. Осмысление акта номинации с когнитивных позиций означает поиски ответа на вопрос о том, какие наборы концептов и почему вербализуются в том или ином языке, и какая конкретная языковая форма выбрана для решения данной задачи.

Суть акта номинации заключается в фиксации связи предмета и его имени, явления и его обозначения, структуры сознания и его объекта. Акт номинации поэтому – процесс речемыслительный. Являясь первоначально актом индивидуальной деятельности и объективируя как бы субъективную структуру сознания, он по своему результату становится достоянием говорящих на том же языке, одинаково соотносящих тело знака со сложившейся структурой сознания и с объектом действительности. Ранее, в рамках ономаσιологического подхода, более всего изучались когнитивные основания номинации, осознание ономаσιологического признака и предиката как мотива обозначения и т.п. Сегодня же справедливо подчеркивается, что в не меньшей степени акт номинации зависим и от коммуникативных актов, т.е. от того, “в какой роли мыслится его результат как единица дискурса” [23, 63]. Данный факт позволил ведущим лингвистам современности выдвинуть утверждение о том, что означиванию в языке подлежат лишь те концепты, которые коммуникативно релевантны [32, 16]. Другими словами, в акте номинации всегда прослеживается его прагматическая составляющая – желание поделиться информацией, что-то сообщить, объяснить собеседнику, связать свои интенции, мотивы со знаниями адресата, его характеристиками и эмоциями.

Одной из насущных задач теории номинации при реконструкции номинативной деятельности является поэтому поиск ответа на вопрос о том, как сформированные в сознании основные онтологи-

ческие понятия бытия (объект, движение, признак и т.п. и их отдельные аспекты и разновидности) послужили затем объектом номинации. Логика поиска ответа на поставленный вопрос определяется следующими соображениями.

За словом всегда стоит определенная и немалая совокупность знаний о нем как языковом знаке с его интерпретантами, а также набор знаний об объекте, названном данным словом. Значение слова определяет круг объектов и явлений, к которым это слово может быть отнесено, оно информирует данные о восприятии и перцептивных характеристиках обозначенного и его отношениях с другими объектами и явлениями в мире; оно фиксирует данные о функциях и назначении того, что обозначено словом. Значение слова может привести ко всему тому, что мы знаем об обозначаемом. “Оно предоставляет доступ к энциклопедической информации в долговременной памяти” [43, 702].

Слово – это наименьшая и одновременно основная языковая единица, способная вербализовать концепт как квант структурированного знания [23]. Слово соотносится с определенными блоками знания, а именно с информацией об обозначаемом, о связи этого обозначаемого с другими объектами и явлениями материального мира, а также с информацией о соотношении данного обозначения с другими обозначениями, функционирующими в языке. Поэтому нельзя не согласиться с Е. Г. Беляевской в том, что семантика слова имеет фреймовый характер [4].

Слово, тем не менее, представляет концепт не полностью, т.к. передает своим значением лишь несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Данная языковая единица является средством доступа к концептуальному знанию, что, в свою очередь, обеспечивает возможность подключить к мыслительной деятельности другие концептуальные признаки, данной единицей непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы).

Слово репрезентирует к тому же не только мир вещей, но и те лингвистические классы, по которым образы этих вещей распределены в языке: слово является представителем своей части речи, своего лексико-семантического разряда и, наконец, тех обязательных грамматических значений, которые эту часть речи отличают [23, 67]. Оно “одновременно “знаменует” и “служит”, выполняя различные связующую и текстообразующую функции” [38, 7 и сл.].

Представляется поэтому правомерным признавать особую роль номинативного потенциала слова, его ономазиологических и семантических структур, т.е. способности слова репрезентировать и заменять в сознании человека определенный осмысленный им фрагмент действительности, указывать на него, отсылать к нему, возбуждать в мозгу все связанные с ним знания – как языковые, так и неязыковые, и, в конечном счете, оперировать этим фрагментом действительности в процессах мыслительной и речемыслительной деятельности.

В число таких знаний входит также и схема действия со словом как таковым. Этим объясняется то, почему слово выступает не только как носитель определенных знаний об объекте, но и как представитель определенного правила общения с ним и стратегий его естественного использования в дискурсе и тексте [23, 68].

Таким образом, когнитивный подход позволяет утверждать, что слово выступает как кардинальная единица языковой картины мира, нашего внутреннего лексикона и, исходя из этого, всей языковой способности человека. Именно через слово осуществляется связь языковой картины мира с концептуальной.

3. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Основная черта когнитивного подхода заключается в том, что с его позиций механизмы переработки знания рассматриваются как центральное звено психики человека. Этот подход – дитя информационной эпохи человечества. Он представляет человеческую психику как центр сферы кругооборота информации. Компьютеры, Интернет, массовая информация – все эти феномены в рамках когнитивной психологии ставятся в один ряд с человеческой психикой.

Решающий вклад в ревизию традиционного изучения человеческого познания внесли представители когнитивной психологии и психолингвистики, которые считали необходимым изучать не только поведение, но и ментальные процессы человека.

Плодом их изысканий является рождение не только новых понятий (*когнитивная схема*, введенная У. Найссером [28], но и новых теорий (*теория фреймов* М. Минского [27], и новых подходов (*коннекционизм* [44]), нашедших применение и за пределами когнитивной психологии [19].

В конце 70 – начале 80-х годов XX века многие исследователи обратили внимание на роль в управлении процессами мышления, памяти, понимания

так называемых «метакогниций» – когнитивных структур высокого уровня иерархии.

В России наибольшую популярность приобрела модель Дж. Андерсона [39] АСТ (адаптивный контроль мышления). В данной теории описывается процесс приобретения, преобразования и применения знания. Совокупности знаний индивида рассматриваются не в качестве хранилища, а в качестве активной системы, структурированной по определенным областям применения – *доменам*. Теория Андерсона позволила по-новому подойти к проблеме организации знаний в памяти, проблеме научения, проблеме переноса знаний из одной предметной области в другую. Исследования показали, что любое наше процедурное знание является полуабстрактным или полуконкретным: у индивида не существует абстрактного обобщения продукций по отношению ко всему декларативному знанию (формальных операций в смысле Пиаже), они всегда привязаны к определенному домену (той или иной предметной концептуальной области) или группе доменов. Такого понимания способа структуризации знания в голове человека представляется целесообразным придерживаться, полагая, что именно такие ментальные области, как домены, будучи частью концептосферы, обобщают те или иные концепты, в том числе и перцептивные.

Итак, развитие когнитивной психологии как научного направления привело к преобразованию психологии познавательных процессов. Возникла единая дисциплина под названием когнитивная наука. В её структуру полностью или отдельными своими отраслями входят психология познания, лингвистика, антропология, эпистемология (философская теория познания), нейронаука, направление “искусственного интеллекта”, “инженерия знаний” и др.

Каким же образом наши знания при прохождении пути от сенсорно-рецептивного до ментального упаковываются в сознании индивида? Каков способ их существования и каковы стратегии их извлечения из памяти и репрезентации в языке? Для ответа на данные вопросы представляется правомерным и необходимым обратиться первоначально к осмыслению феномена восприятия как первичной ступени познания мира человеком. Достаточно убедительные ответы на данные вопросы дает когнитивная психология.

3.1. Онтологический подход к феномену восприятия

Ещё в самом начале 60-х годов XX века Н. И. Жинкин высказал мысль о том, что в языко-

вой памяти сохраняются не отдельные слова с конкретными значениями, а некоторые сопоставления слов, служащие своеобразными шаблонами, – соответственно, при рассмотрении механизма передачи семантической информации лексическое значение должно определяться как переменная величина [12, 450]. (Ср. у Б. Гаспарова: “... увязывание процесса семиозиса с процессом формирования у человека опыта мира вводит в интерпретативную модель знака переменную, обусловленную особенностями индивидуального восприятия и оценки соотношения знака с соответствующим фрагментом мира; другими словами, речь идет об индивидуальном *опыте знака* как основе всех возможных его интерпретаций, включая и «социально санкционированные»” [9, 13]).

Такой подход к языку ставит во главу угла вопрос о том, что представляет собой языковой опыт, из чего он складывается, и как соотносится языковой опыт индивида с языковым опытом социума. Вместе с тем, поскольку основу всякого опыта составляет восприятие, непредвзятое изучение языка, как справедливо отмечает А. В. Кравченко [18, 66], становится невозможным без учета особенностей перцептивных процессов.

Особенности чувственного познания и восприятия как формы знания относятся к числу классических проблем философии и психологии, исследовательский интерес к которым никогда не ослабевал. Восприятие – это непрекращающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в реализации которой среда, мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему. Процесс восприятия – явление многоплановое, полиморфное и полидетерминированное. Данный факт объясняет существование целого ряда различных подходов (в первую очередь, в психологии) к его определению (см. обзор [24]).

Наиболее перспективным представляется осмысление феномена восприятия с *онтологических позиций* (т.е. со стороны его существования), в рамках которого восприятие трактуется как *событие* [2]. По мысли автора концепции, В. А. Барбанщикова, “перцептивное событие выражает изменение (становление, развитие, преобразование) и, одновременно, сохранение (пребывание) чувственной данности мира человека. В ходе события изменяется и воспринимающий индивид, и его мир” [2, 5–6]. В настоящее время при активном интересе психологов к гносеологическому аспекту исследований процесса восприятия – механизмов и способов чувственной презентации действитель-

ности, разработка данным ученым и его последователями онтологической природы восприятия человека на основе синтеза идей системности и развития своевременна и продуктивна, так как без учета закономерностей возникновения, развития и преобразования перцептивного образа и специфики его взаимосвязей наши знания о восприятии могут остаться принципиально неполными.

Согласно защищаемой автором позиции, процесс восприятия включает полный цикл движения чувственного образа действительности – от возникновения до преобразования – в единстве с условиями своего существования и развития. Понятие события позволяет выразить наиболее важные характеристики перцепции – *целостность* и *развитие*, вписав ее в естественный поток жизни человека.

Автором определяются онтологические характеристики восприятия на основе рассмотрения последнего в системе фундаментальных отношений:

1) к действительности, в которой пребывает человек, 2) к воспринимающему индивиду, 3) к формам его активности, 4) к телесной организации [2, 17–18].

В результате делается вывод о том, что, включаясь в разные отношения бытия, феномен восприятия обнаруживает разные грани и описывается с помощью различных понятий, так как восприятие воистину многомерно. И хотя в классификациях психических явлений восприятию место в ряду познавательных процессов отводится, по своему содержанию и функциональным возможностям оно значительно шире. Перцептивные явления включают и состояния индивида (установки, эмоции, внимание, волевой компонент), и его психические образования (перцептивный опыт, умения, навыки), и свойства личности (перцептивные способности, черты характера, направленность). Поэтому, как видим, дифференцировать восприятие как самостоятельную область знаний весьма не просто, и рассматривать его правомерно не просто как данность в ее отношении к действительности (гносеологическое отношение), а как данность в единстве внешних и внутренних условий ее существования. Тогда не подлежит сомнению тот факт, что восприятие оказывается формой и проявления, и порождения бытия.

Данный подход к восприятию представляется ценным для лингвистики, в частности, ее современного когнитивного периода, т.к. может дать достаточно убедительную методологическую и

концептуальную базу для осмысления лингвистических явлений, в частности, феномена перцептивного признака, его онтологии и вербальной репрезентации в языке/языках.

Одним из ценных вкладов когнитивной психологии в осмысление и определение феномена восприятия является разработка проблемы перцептивного образа и отношения к другим формам взаимосвязи субъекта со средой, к мышлению в первую очередь. Мышление – родственная перцептивной, но генетически более поздняя форма взаимосвязи индивида со средой. Его специфика определяется характером объекта (он может иметь внечувственную форму), направленностью субъекта на выявление существенных свойств и закономерных отношений действительности, а также использованием объективирующих средств, в частности естественного и искусственного языков. Тем не менее обе формы взаимодействия имеют сходную структуру и логику развертывания. Их общность закреплена в таких понятиях, как *интеллектуальное восприятие* [10], *визуальное мышление* [1], *наглядно-действенное мышление* [37], *перцептивная гипотеза* [6], *перцептивная категория* [6]; [29], *бессознательные умозаключения* [41], *перцептивная схема* [28] и др. В реальном процессе жизнедеятельности взаимосвязь восприятия с мышлением (как, впрочем, и с любыми другими проявлениями психики) реализуется как единство различных отношений субъекта с объектом-ситуацией [2, 119].

Таким образом, сущность восприятия заключена в отражении объективной действительности, ее наглядной представленности субъекту [25; 35]. Соответственно процесс восприятия выступает как процесс порождения и развития образа. Это центральный компонент *перцептивного комплекса*, основная предпосылка и результат активности субъекта восприятия. Перцептивный комплекс – это интегральное динамическое образование, включающее чувственную данность объекта в единстве с внутренними условиями ее существования: перцептивной потребностью, оценкой, отношением, установкой и т.д. Он играет роль функционального органа, реализующего возможность отражения действительности и регуляцию перцептивной активности.

Чувственный (перцептивный) образ отличается высокой информационной емкостью, он оперативен, многомерен, существует в форме процесса и результата и развертывается на разных уровнях организации перцептивной системы. Необходи-

мость его возникновения вытекает из необходимости активных форм приспособления индивида к среде, требующих непрерывной ориентировки в ситуации и регуляции поведения. Если содержание перцептивного образа можно уподобить строительному материалу, то его форму – архитектурному проекту, который вносит в чувственную конструкцию порядок и организованность.

Описанные свойства, строение и динамика перцептивного образа характеризуют прежде всего сенсорно-перцептивный уровень отражения действительности [26], но не только его. Перцептивный образ включает в себя и рациональное знание, с помощью которого субъект освобождается “от пут” наличного бытия, переходит из одной ситуации в другую, в том числе и мысленно конструируемую (вербально-логический уровень). Уровни отражения связаны. Чувственная модель подчинена не только логике объекта, но и собственной логике движения, задаваемой субъектом.

Рассмотрение этих вопросов волнует сегодня не только когнитивных психологов и психолингвистов, но и собственно лингвистов, так как достижения первых подводят более аргументированную фактуальную, выверенную в проводимых экспериментах базу для интерпретации исследований последних.

3.2. Модель восприятия

Характерный для современной психологии подход позволяет установить, что роль деятельности и человеческого опыта, как уже отмечалось, чрезвычайно активно воздействует на саму природу восприятия.

Для строения деятельности существенно не только то, что она исходит от субъекта, но также и то, что она направляется на объект и в самом внутреннем содержании обусловлена им. Ощущение и вообще психические явления должны поэтому рассматриваться в их отношении к объективной действительности, которую они специфическим образом отражают. В образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты; при восприятии субъект не соотносит “образ” с “вещью”: “образ” как бы наложен на “вещь”. Предметность образа, таким образом, это не некая внутренняя организация хаоса, а органическая связь отраженных в нем пространственно-временных и интенсивных характеристик.

Целостность предметного образа поэтому тесно соотносится с полимодальностью. Большинство стимулов имеет полимодальный характер, при котором один и тот же атрибут объективно, а не

метафорически, относится к нескольким модусам.

Полиmodalность следует отличать от интерmodalности, основанной на явлении синестезии (*мягкий свет, резкий звук* и т.д.). В психологии под синестезией понимают такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной modalности переносятся на другую, например, при цветном слухе перенесение качества зрительной сферы на слуховую. С точки зрения лингвистики синестезия – это употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств. При интерmodalности же всегда можно выделить первичный модус, по аналогии с которым рассматриваются другие.

Семантический аппарат человека не свободен от передачи значения через отсылку к объектам действительности, рассматриваемым со стороны их свойств. Такова метафора, которая в одно и то же время служит выделению некоторого общего для разных классов объектов свойства (часто комплексного) и целостной характеристике индивида, достигаемой указанием на модель другого класса.

Метафора как особый вид переносного значения характеризуется семантической двуплановостью, образностью и наличием оценочного момента. Взаимодействие основного (прямого, конкретно-предметного) и производного значений видоизменяет и осложняет номинативную функцию слова – оно уже служит не только средством наименования того или иного предмета, но также (и в этом специфика метафоры) и средством выражения субъективной оценки предметов и явлений действительности со стороны говорящего.

Языковая концептуализация мира связана с репрезентацией сферы рационального и сферы чувственного опыта человека. При этом язык играет важную роль в сохранении единства чувственного и рационального в сознании. В значении слова как мыслительного образа, закрепленного за языковым знаком, интегрированы различные составляющие – логические и алогические, чувственные и эмоциональные.

В когнитивной лингвистике образ рассматривается как один из важных видов *ментальных репрезентаций*, заключающих в себе некую информацию и являющихся определенной структурой знания.

Несмотря на большую востребованность в различных исследованиях, ментальная репрезен-

тация остается одним из самых сложных понятий в психологическом лексиконе. Подтверждением тому служит наличие целого ряда моделей репрезентации как формата психического отражения (что еще раз подтверждает несомненную важность данной категории для решения проблем познания и познавательных процессов): *признаковых* (E. E. Smith, E. J. Shoben, A. Rips), *сетевых* (P. Клацки), *коннекционистских* (Д. Норман; G. Fauconnier, M. Turner; A. Дисмор; J. Lakkoff; L. Barsalou), *множественных* (E. Clark, A. Paivio; M. Eysenk, M. Kean; Z. Pylyshin) и др.

В конечном счете, в настоящее время психологи пришли к общему мнению относительно гибкости форм репрезентации информации. Вопрос состоит лишь в том, в каких условиях какие формы ментальных репрезентаций предпочитают носители языка для оперирования ими в различных видах своей деятельности, в том числе и вербальной, что в результате приводит к формированию ментального образа, понятия об объекте внешнего мира. Каждая из моделей предлагает свой взгляд на сущность и структуру такой категории, как ментальная репрезентация, но несомненно одно – это образ того или иного конкретного объекта, явления и т.д., т.е. субъективная форма видения происходящего.

Ментальные репрезентации являются оперативной формой ментального опыта, они изменяются по мере изменения ситуации и интеллектуальных усилий субъекта, являясь *специализированной умственной картиной события*. Фактор репрезентации действует, начиная с уровня построения перцептивного образа в условиях непосредственного восприятия объекта. Как писал в этой связи Ж. Пиаже, “смотреть на объект – это уже интеллектуальный акт, и в зависимости от того, останавливает маленький ребенок свой взгляд на первой попавшейся точке или фиксирует им целый комплекс отношений разных элементов, можно почти наверняка судить об уровне его умственного развития” [30, 50].

4. ВОСПРИЯТИЕ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ

Восприятие, как видим, не является лишь простой регистрацией сенсорных раздражителей. По данным психологов, при восприятии органы чувств действуют не индивидуально, не по отдельности, но, как было отмечено выше, комплексно и целостно, что и составляет главное отличие свойств сознания человека и что предполагает не просто “сложное действие органов чувств, которое сфор-

мировалось в процессе жизни человека и включает в себя ряд сенсорных операций, соответствующих объективно воспринимаемым предметам и взаимоотношениям различных их качеств и сторон” [13, 62], но интеграции всех данных их сопоставления, оценки их относительной значимости и их объединение.

Проблеме определения восприятия с позиций разных наук посвящено большое количество трудов (см. их обзор в [3; 14]). Между тем вопрос о том, как из нескончаемого потока внешней информации выделяются звуки и сцены, пока еще открыт [11; 23], несмотря на серьезные изыскания в данном направлении, многое прояснившие в плане осмысления отмеченной проблемы (например, фундаментальные теории У. Найссера [28], А. Пейвио [45]). Представляется, что такое выделение совершается потому, что разнообразие форм материи наблюдается в самом мире. Относительно перцептуальных систем это проявляется в том, что человек сталкивается с определенными “сгущениями” материи, “пучками признаков”, “кластерами сведений” и другими группировками свойств в самих природных явлениях. Поэтому “наиболее убедительные факты о мире – это то, что мы видим **разные** формы материи, наблюдаем за **разными** перемещениями предметов, слышим **разные** звуки и т.д. Возможно, что различие ощущений от восприятия всего этого разнообразия и создает базу для будущих когнитивных обобщений” [11, 80]; см. также [7; 28]). Созданию же целостного образа предмета, гештальта, способствует, как постулирует когнитивная психология, практическое отношение к действительности, поскольку система действий с предметом выступает как источник сведений о нем, выполняя тем самым когнитивную функцию [13, 178–179].

Информация, получаемая человеком от работы органов чувств, проходит концептуальную обработку. В результате языковая картина мира представляет собой проекцию мира (projected world) реальной действительности. Она отличается от мира реальной действительности в силу специфики объективных возможностей восприятия последнего организмом человека, культурной принадлежности, а также степени освоенности и понимания воспринимаемого фрагмента действительности [42; 46].

В итоге в сознании человека формируются невербальные (образные) репрезентации. Подтверждение тому мы находим в убедительных рассуждениях А. Пейвио [45]. Но бытующее суж-

дение о том, что формирование вербальных структур и всей системы языковых единиц полностью зависит от сложившейся до этого образной системы, справедливо кажется ему неоправданным. Оно действительно зависимо от сенсорного опыта и образного восприятия мира, но не полностью. Здесь важно другое – тот факт, что главные сведения о мире, отраженные в языке, были получены прежде всего опытным путем и связаны с “естественным” образом мира¹. Найдя со временем свою объективацию с помощью языковых форм, рубрики человеческого опыта все более связываются с категориями языка и «перекладываются» на язык, лишь создавая впечатление, что опыт структурируется не за счет абстракций в голове человека, а за счет языка.

Убедительным подтверждением данных идей служат результаты исследований крупнейшего отечественного психолога и психолингвиста Н. И. Жинкина, согласно концепции которого базовым компонентом мышления человека является особый “язык интеллекта” – универсально-предметный код (УПК) [12]. Применяв методику речевых помех, Н. И. Жинкин показал, что мышление не связано с речедвигательным кодом и осуществляется в особом несловесном предметно-образном коде. Единицами этого кода являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в процессе восприятия им окружающей действительности. Код этот имеет принципиально невербальную природу и представляет собой систему знаков как результат чувственного отражения действительности в сознании. Это “язык” схем, образов, осязательных, обонятельных отпечатков реальности, кинетических импульсов и т.п. При помощи этих образов и осуществляется мышление человека.

Н.И. Жинкин указывает, что УПК является универсальным, так как он “свойствен человеческому мозгу и обладает общностью для разных че-

¹ Существуют весьма убедительные экспериментальные данные, свидетельствующие в пользу той точки зрения, что “приобретение языка не должно рассматриваться как отбрасывание лежащей в его основе перцептуальной системы, которая... продолжает управлять нашими решениями и поведением” [34, 327]. У. Рейтман пишет: “информационные процессы человека основаны на восприятиях... Всякий, кто наблюдал, как еще не научившийся говорить ребенок действует в окружающей его среде, убеждался в силе этих бессловесных информационных процессов... В конечном счете восприятия должны кодироваться на каком-то внутреннем языке... При этом вовсе не обязательно предполагается соответствие между структурой этого внутреннего языка восприятий и словесным языком” [34, 328]. Ученый, как видим, весьма близок к трактовкам проблемы в духе работ Л. С. Выготского и Н. И. Жинкина.

ловеческих языков, обеспечивая проводимость” [12, 54]. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниним добавим, что универсальность этого кода также в том, что он, будучи производным от чувственного восприятия действительности, а не от языка, есть у всех людей, не только независимо от того, на каком языке они говорят, но и независимо от того, говорят ли эти люди вообще (ср. глухонемые – они воспринимают действительность органами чувств, а значит, у них в любом случае формируется УПК, позволяющий им мыслить) [32, 158].

Наречение мира, каким бы субъективным и стихийным ни являлся этот процесс, происходит в согласовании с онтологией мира. Из этого, однако, не следует, что познание объективных и субъективных свойств мира связано только с восприятием. Из этого также не вытекает преуменьшение как роли человека в процессах познания, так и роли языка. Напротив, мы придерживаемся положения о взаимосвязи действительности, ее восприятия человеком, и языка и необходимости выявления подлинной сути складывающихся между ними отношений. Тогда главной задачей, которую в данном случае следует решать, является следующая: “Если правильно, что язык кодирует мир, то следует уточнить и то, какой именно “мир” он кодирует – мир “как он есть” или мир нашей психики...” [23, 78].

УПК, являясь нейрофизиологическим субстратом мышления, обеспечивает как непосредственно сам процесс мышления, так и начальный этап порождения речи (речевое высказывание начинается с личного смысла, выраженного универсальным предметным кодом), а также завершающий этап понимания речи (понимание речевого высказывания завершается “переводом” на универсальный предметный код).

Вслед за Н. И. Жинкиным и И. Н. Гореловым, мы считаем, что протоязыковая система коммуникации занимает промежуточное положение между 1-й сигнальной системой (ощущения, восприятия) и той “чрезвычайной добавкой” (как её называл И. П. Павлов), которой является 2-я сигнальная система, т.е. любой из национальных языков [11, 106]. Поскольку функционирование зрелой человеческой психики характеризуется взаимодействием развитых систем мышления и языковых средств выражения, то основы таких зрелых систем образуют УПК и протоязык.

В конкретном онтогенезе может действовать бедный УПК, могут рождаться убогие тексты. Но филогенетические достижения в целом порази-

тельны, являя и гениальные произведения литературы, и гениальные невербальные творения. Есть обоснованное мнение: самые крупные научные результаты возникают в процессе параллельного – интуитивно-образного и рационального постижения сущности. Корни же такого параллелизма, как аргументированно постулирует И. Н. Горелов, закладываются ещё в раннем онтогенезе [11, 106].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, “концепты объекта (предмета, цельности) и его частей, концепты действия с объектами, концепты пространства и изменения местоположения объекта в пространстве, а, возможно, и концепты разных атрибутов (частей) объектов можно считать входящими в число архетипов коллективного сознания, универсальных для всего человечества” [23, 87]. Но именно благодаря появлению языка, эти элементы простейшей концептуальной структуры начинают свою более сложную эволюцию и начинают включать концепты, не имеющие прямых аналогов в действительности. Именно благодаря языку, человеком фиксируется не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное. В структурировании же воспринятого огромную роль играют чисто человеческие механизмы его обработки – категоризации и концептуализации.

Рассмотрение особенностей категоризации реального мира и ее вербальной репрезентации в рамках данного исследования позволяет сделать вывод о том, что особенности категоризации объективной действительности и многокомпонентная структура концепта действительно могут быть выявлены и познаны через анализ языковых средств. Тот или иной языковой знак отбирается отправителем из набора потенциально возможных знаков, могущих служить для репрезентации отдельного концепта. Выбранный языковой знак, произвольный по отношению к обозначаемому им денотату своим звуковым составом (если рассматривать отдельное слово) или количеством и набором слов (если рассматривать сочетания слов, предложения и тексты), произволен в этом отношении с точки зрения своего когнитивного значения, которое формируется в процессе восприятия внешнего мира через призму человеческого опыта, образующего основу знания. Национальные особенности в опыте определяют национальные особенности содержания знания, и, соответственно, национальные особенности картины мира представителей отдельной лингвокультурной общности.

Изучение языковой картины мира связано поэтому с установлением типов знания, представленного в языке, источников и способов представления этого знания в языковых формах, что доказывает необходимость детального изучения законов и механизмов языковой категоризации информации, получаемой человеком в результате разных типов деятельности человеческого сознания, одна из которых – сенсорно-рецептивная, отвечающая за восприятие и концептуализацию перцептивных признаков предметов, объектов, явлений окружающего мира и являющаяся определяющей при формировании национального “мироощущения”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнхейм Р. Визуальное мышление / Р. Арнхейм // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент. – Душанбе : Дониш, 1973. – Т. 2. – С. 8–98.
2. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие / В.А. Барабанщиков. – СПб. : Алетей, 2002. – 512 с.
3. Башкова И.В. Семантика восприятия. Обзор. Библиография / И. В. Башкова. – Красноярск: Б. м., 1994. – 187 с.
4. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке. – М. : Наука, 1994. – С. 104–114.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2000. – 130 с.
6. Брунер Дж. Психология познания / Дж. Брунер. – М. : Прогресс, 1977. – 412 с.
7. Величковский Б.М. Функциональная структура перцептивных процессов / Б.М. Величковский // Познавательные процессы: ощущения, восприятие / Под ред. А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова, В. П. Зинченко. – М. : Педагогика, 1982. – С. 218–242.
8. Гак В.Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1998. – 768 с.
9. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое Лит. Обозрение, 1996. – 280 с.
10. Грегори Р. Разумный глаз / Р. Грегори. – М. : Мир, 1972. – 208 с.
11. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике / И. Н. Горелов. – М. : Лабиринт, 2003. – 320 с.
12. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 1998. – 412 с.
13. Запорожец А.В. Избранные психологические труды / А. В. Запорожец. – М. : Наука, 1986. – 420 с.
14. Кириченко О.В. Зрительный образ и его роль в европейской культуре: дисс. канд. филос. наук./О.В. Кириченко. – Воронеж, 2000. – 192 с.
15. Ковалева Л.В. Фрагментализация как когнитивный процесс/Л.В. Ковалева. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 184 с.
16. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. АН СССР ; Ин-т языкозн. – М. : Наука, 1976. – С. 5–30
17. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
18. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во ОГУП “Иркутская областная типография № 1”, 2001. – 261 с.
19. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
20. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Москов. гос. ун-т, 1996. – 245 с.
21. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила интерференции (семантического вывода) / Е. С. Кубрякова // Пути изучения словообразования славянских языков : 2-е заседание Междунар. комиссии по славянскому словообразованию. – Магдебург : Peter Lang, 1997. – С. 23–36.
22. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
23. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Рос. акад. наук, ин-т языкознания. – М. : Яз. славянской культ., 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
24. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации / Л. В. Лаенко. – Монография. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 303 с.
25. Леонтьев Д.А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 486 с.
26. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 445 с.
27. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
28. Найссер У. Познание и реальность / У. Найссер. – М. : Прогресс, 1981. – 230 с.
29. Натадзе Р.Г. О некоторых проявлениях категориальности восприятия / Р. Г. Натадзе // Вопросы психологии. – 1970. – № 4. – С. 25–34.
30. Пиаже Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже // Избр. психологические труды. – М. : Просвещение, 1969. – С. 21–32.
31. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 191 с.
32. Попова З.Д. Общее языкознание: уч. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб и доп. – Воронеж: Центр.-Чернозем. книжн. изд-во, 2004, 208 с.
33. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.

34. Рейтман У. Познание и мышление: моделирование на уровне информационных систем / У Рейтман. – М., 1968. – 392 с.
35. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1999. – 423 с.
36. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
37. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека / О. К. Тихомиров. – М.: Моск. гос. ун-т, 1969. – 304 с.
38. Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове / Н. Ю. Шведова // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 7–15.
39. Anderson J.R. Methodologies for studying human knowledge // Behav. And Brain sci. / J. R. Anderson. – 1987. – Vol. 10. – P. 467–505.
40. Chomsky N. Linguistics and cognitive science: problems and mysteries / N. Chomsky // A Kasher (ed.). The Chomskian turn: generative linguistics, philosophy, mathematics, and psychology. – Oxford : Blackwell, 1991. – P 26–55..
41. Heine B. Cognitive foundations of grammar / B. Heine. – Oxford UP, 1997. – 230 p.
42. Helmholtz H. von. A treatise on physiological optics / H. von. Helmholtz. – N.Y. : Dover, 1962. – 593 p.
43. Langacker R.W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 215 p.
44. Miller G.A. Language and perception / G. A. Miller, Ph. N. Johnson-Laird. Cambridge (Mass.), 1976. – 310 p.
45. Miller G.A. Behaviorism and the science of cognition / G. A. Miller // Psychol. Record, 1988. – Vol. 38. – P. 3—18.
46. Paivio A. Mental representations. A dual coding approach / A. Paivio. – Oxford, 1986. – 490 p.
47. Talmy L. Towards a cognitive semantics / L. Talmy. – Vol. 1–2. – Cambridge (Mass.), 2000. – 495 p.